

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

СКВОЗЬ ГОРНИЛО АРМЕЙСКИХ ИСПЫТАНИЙ

Составитель
Павел Либеранский

Заковский
2021

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 23/28

ББК 86.37

Л55

Вера и верность. Сквозь горнило армейских испытаний : сборник, т.1 / сост. Павел Либеранский. — Заокский : Источник жизни, 2021. — 768 с.

Вопрос службы в армии был одним из сложных и испытывающих веру христиан во все времена нашей эры. С этой проблемой столкнулась во времена своего становления и Церковь адвентистов седьмого дня, глубоко изучая Священное Писание и этот вопрос. В этой книге изложены истории веры и верности тех братьев-адвентистов, кто вынужден был служить в основном в армии Советского Союза. Это были времена безбожия и богоборчества в атеистическом государстве, что являлось большим вызовом для верующих братьев, исполнявших воинскую повинность без всякой альтернативы.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-00126-162-9

УДК 23/28

ББК 86.37

Оглавление

	Предисловие.....	7
История 1.	От солдата до академии — с Богом	11
История 2.	От угроз — к свободе	14
История 3.	В церковь вместе со старшим лейтенантом	19
История 4.	Идти против течения, но с Богом!	23
История 5.	Служба в царской армии.....	31
История 6.	Верный убеждениям даже в дисбате.....	32
История 7.	Моя армия.....	37
История 8.	Армейский узкий путь.....	65
История 9.	Присяга на верность.....	83
История 10.	Слишком далеко и долго идти. Но легко с Богом! ...	98
История 11.	Обещаю, Господи, я найду Твою церковь.....	101
История 12.	На земле и в океане — с Богом!.....	109
История 13.	Можете меня расстрелять и закопать в этом лесу ...	114
История 14.	При полном доверии Богу доверяют и тебе.....	128
История 15.	«Присяга» через год службы.....	130
История 16.	Молитвы, изучение Библии вместе с баптистом ...	138
История 17.	Слава Богу за Его милость!.....	148
История 18.	Буду служить Родине!	156
История 19.	У нас уже служили солдаты такой же веры	170
История 20.	Убеждениям остался верен	172
История 21.	Знаешь ли ты Закон Божий?	176
История 22.	Сила Божьего Слова.....	179
История 23.	Шесть дней работа, а в субботу — на гауптвахту ...	187
История 24.	Расстрел холостыми патронами.....	194

История 25.	Ангелы защитили мою машину от пуль	198
История 26.	Командир части в Заокской семинарии.....	203
История 27.	Молиться, терпеть, верить	206
История 28.	«Падут подле тебя тысячи»	210
История 29.	Из Берлина — с иллюстрированной Библией.....	212
История 30.	«В темнице был...».....	214
История 31.	Души под жертвенником	216
История 32.	Обет Богу на полях войны	218
История 33.	Слава Богу вовеки за сотворенное в моей жизни ...	220
История 34.	Письма в конвертах без марки с треугольной печатью	241
История 35.	Как ты скажешь, так и будет	244
История 36.	Защищен и оправдан	247
История 37.	Он так и не вернулся домой... ..	248
История 38.	Родители искренне молились за меня	250
История 39.	Залезь под кровать и молись своему Богу.....	252
История 40.	Я видел, как никогда раньше, защиту и милость Бога	257
История 41.	Как мне дальше быть, Господи?	263
История 42.	Суббота на Новой Земле.....	267
История 43.	«Только Я знаю намерения, какие имею о вас...» ...	270
История 44.	Это мой сын.....	274
История 45.	Увидеть Бога в своей жизни.....	284
История 46.	Из дневника христианина Советской армии	292
История 47.	Молитва и пост матери	298
История 48.	Нас поглотило море	311
История 49.	Господь не оставит тебя	328
История 50.	«Закономерные случайности» Божьи	333

История 51.	Путь, которым я не шел ни вчера, ни третьего дня ..	360
История 52.	«Если ты удержишь ногу твою ради субботы...»	373
История 53.	Брюки для командира	378
История 54.	По моей молитве сын капитана выздоровел!	383
История 55.	Я не могу исполнить ваш приказ	392
История 56.	Солдатык, будь моим сыном!	396
История 57.	Застрелим тебя за попытку к побегу	399
История 58.	Почетное призвание	401
История 59.	Вместо севера служил в солнечной Молдове	405
История 60.	Оглядываясь назад	408
История 61.	Я верю, что Бог защитит и меня	432
История 62.	«Проповедь» по печени	438
История 63.	Господи, Ты был со мной!	444
История 64.	В сапогах на босу ногу	448
История 65.	И Бог всегда был со мной	450
История 66.	Своим убеждениям не изменю	453
История 67.	Господь творит великие дела	461
История 68.	Подвиг во имя Родины	466
История 69.	Под защитой Всевышнего	471
История 70.	И этот момент испытания настал	485
История 71.	Принципиальность, верность, убежденность	496
История 72.	Где твой Бог?	521
История 73.	Истории моей жизни	527
История 74.	Солдат, вы доказали, что вы христианин!	548
История 75.	Посмотрите, кто вы, призванные!	553
История 76.	Господь уберег в тюрьме	558
История 77.	План спасения для солдат за несколько минут	559

История 78.	За все я благодарен Господу!	565
История 79.	Два года школы жизни	568
История 80.	У Бога был Свой план	585
История 81.	Верность закаляется в огне	589
История 82.	Я был спасен Богом в Афганистане.....	598
История 83.	Белый хлеб и масло от командира части.....	601
История 84.	Поеду туда, куда отправят	609
История 85.	Надо обязательно что-то изменить в себе и вокруг. .	612
История 86.	С Богом и в армии служить радостно.....	614
История 87.	История темничного стража	616
История 88.	Служу Богу, служу России	637
История 89.	История общины в городе Грозном в 1994–1995 годах.....	644
История 90.	Христос страдал? А ты чем лучше?	652
История 91.	Не причинять боль отцу земному и Отцу Небесному	667
История 92.	Его Слово обладает огромной силой любви	678
История 93.	Господь преподал мне урок на всю жизнь	692
История 94.	Байконур и мечта о небе	702
История 95.	Божьи пути неисповедимы	708
История 96.	Тернистый, но Божий путь веры	719
История 97.	Всего один шаг изменил мою армейскую жизнь	730
История 98.	Чем нарушить Закон Божий, лучше умереть!	739
История 99.	Бог вел меня по жизни за руку	748
История 100.	Божьи пути всегда лучше моих.....	754

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит.

Пс. 36:5

С того времени, как впервые в истории нашей земли народ потребовал поставить себе царя, Божий пророк Самуил изложил людям и последствия царского правления (см. 1 Цар. 8:10–20). Одно из них было следующим: «Сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его» (1 Цар. 8:11). Таким было начало формирования первой национальной царской армии в истории Израиля.

Вопрос службы в армии был одним из сложных и испытывающих веру христиан во все века нашей эры. С этой проблемой столкнулась во времена своего становления и Церковь адвентистов седьмого дня, глубоко изучая Священное Писание и данный вопрос.

Созданная в 1863 году Генеральная Конференция Церкви АСД официально заявила о том, что адвентисты отказываются от активного участия в военных действиях. По требованию адвентистской церкви ее членам был официально предоставлен статус, позволяющий им не брать в руки оружие. Большинству призывников-адвентистов была гарантирована в армии альтернативная служба в госпиталях или в медико-санитарных частях.

Церковь АСД не занимала позиции полного отказа от военной службы, как это проявлялось в некоторых крайних формах пацифизма. Идя в армию, адвентисты придерживались следующего принципа: выполнять приказы военачальников до тех пор, пока эти приказы не будут противоречить Божьему Закону и совести верующего. Этому принципа адвентисты придерживались во времена царской России, в советский период, эту позицию церкви мы исповедуем и в настоящее время. Официальное краткое изложение данной позиции церкви содержится в следующем заявлении:

«Истинное христианство являет себя и в надлежащем исполнении гражданских обязанностей. Как законопослушные граждане адвентисты желают добросовестно служить своей стране, не нарушая при этом Божьих заповедей. Церковь АСД рекомендует молодым людям, призываемым в армию как в мирное, так и в военное время, идти в те части, которые не участвуют в актах насилия и кровопролития. Адвентисты обычно не служат по найму в строевых частях Вооруженных Сил, а в тех случаях, когда военная служба является обязательной, они просят предоставить им право на службу без оружия. Адвентисты предпочитают несение воинской службы в медицинских частях или альтернативную гражданскую службу. Во время военных действий это забота о раненых и умирающих. Адвентисты могут таким образом исполнять свой гражданский долг перед Отечеством, оставаясь верными своим религиозным убеждениям. Церковь признает право каждого верующего на выбор им формы исполнения своего гражданского долга. Тем же, кто приобщился к церкви, будучи кадровым военным служащим, не возбраняется оставаться верными своему призванию, если это не противоречит учению Священного Писания и данным рекомендациям» (Основы социального учения Церкви АСД. «Военная служба». Источник жизни, 2020, с. 86).

В 2016 году Голливуд удивил весь мир новым, с необычным сценарием фильмом «По соображениям совести». Миллионы зрителей по всему миру были впечатлены жизненной позицией, принципиальностью, историей веры и служения другим молодого адвентиста — главного героя этого фильма. Во время войны, в самом пекле событий, он спасает военных, выполняя свой долг перед Богом и людьми. И таких историй из жизни адвентистов по всему миру большое множество.

В этой книге изложены истории веры и верности тех братьев-адвентистов, кто вынужден был служить в основном в армии Советского Союза. Это были времена безбожия и богоборчества в атеистическом государстве, что являлось большим вызовом для верующих братьев, исполнявших воинскую повинность без всякой альтернативы. В армии допускалась только одна идеология — коммунистическая, носителем которой должен был быть каждый военный служащий.

И хотя закон о воинской обязанности от 13 августа 1930 года предусматривал возможность для традиционных пацифистских сект проходить вместо военной гражданскую службу или (в военное время) службу во вспомогательных частях Рабоче-крестьянской Красной

армии, на практике этот закон не соблюдался, а за уклонение от военных обязанностей по религиозным убеждениям пацифисты чаще всего несли уголовную ответственность.

Позже, 1 сентября 1939 года, был принят новый закон о всеобщей воинской обязанности, который вообще не предусматривал отказа от службы в рядах Красной Армии ни под каким предлогом, в том числе и по религиозным убеждениям. Поэтому многие пацифистски настроенные верующие, призванные против своей воли в ряды вооруженных сил, отказывались брать в руки оружие, за что подвергались наказанию по решению военных судов и отбывали срок. Сожалею, что только несколько подобных историй мы смогли найти для этой книги. Но в записях неба все учтено, Бог за все воздаст.

В конце войны протестанты наряду с действующими служителями других религий и конфессий получили освобождение от призыва в армию согласно постановлению Комиссии по освобождению и отсрочкам от призыва от 26 февраля 1945 года. Однако эта возможность распространялась только на пресвитеров евангельских христиан-баптистов, проповедников и пресвитеров адвентистов седьмого дня.

Десятки лет Церковь АСД в СССР была изолирована от всемирного братства. Духовная литература, важные решения и документы о разных сторонах жизни церкви были недоступны и неизвестны адвентистам в нашей стране. Поэтому часто братья, проживающие в разных республиках большой страны, призванные на обязательную службу в армию, имели минимум подготовки для такой суровой школы жизни и веры. А руководствовались они принципами Священного Писания и тем минимумом знаний и убеждений, которые они приобретали в местных общинах, общаясь со старшими братьями-служителями и с теми, кто уже отслужил.

Задача этого сборника историй — не высветить выдающихся героев и не продемонстрировать их смекалку и находчивость в беседах, судах, в особо жестких и стесненных условиях армии. Главная цель — показать живую веру, Божье вмешательство в определенные обстоятельства; показать, как Он вершит чудеса в жизни конкретных людей, отвечает на их молитвы, как в этих трудностях проявляется настоящая вера и происходит духовный рост.

Многие братья уходили в армию, преследуя ясную цель — быть миссионерами для сотен и тысяч военных людей, находящихся в замкнутом пространстве воинских частей. Верующие не только

заявляли о своей вере в Бога, но и являли пример христианской верности, порядочности и принципиальности в убеждениях.

Времена изменились, и сегодня во многих странах приняты законы об альтернативной службе, в том числе и для верующих.

Оставаясь примерными гражданами своей страны, адвентисты и сегодня занимают активную гражданскую позицию в вопросах служения обществу и в других направлениях, сохраняя верность Божьему Закону.

Очень надеюсь, что эти личные опыты веры и верности наших братьев будут интересны не только как часть истории целой эпохи, но и станут примером для подражания и вдохновением для современников и будущих поколений, пока не исполнится надежда всех веков — Второе пришествие Христа!

П. И. Либеранский

ОТ СОЛДАТА ДО АКАДЕМИИ — С БОГОМ

Я был призван в ряды Советской армии в декабре 1969 года из города Болград (Одесская область, Украина). Все было вполне обыденно — повестка, военкомат, построение, переключка... и вскоре нас посадили в большой автобус, в котором мы ждали отправления.

Вдруг командир громко назвал мою фамилию и приказал выйти на улицу. Оказалось, в военкомате обнаружили, что я верующий, и отправили меня домой, а через две недели прислали новую повестку. Выяснилось, что первый призыв отправлялся служить на военноморской флот, а второй, в котором был я, готовился для службы в Москве. Конечно, сначала никто не знал, куда мы едем. Нас привезли в большой гарнизон, где располагались восемь войсковых частей, комендатура, войска связи и строители.

После прохождения курса молодого бойца из новых призывников сформировали роту и каждый день отправляли на работу в Тушино, на завод. Близилась суббота, и я пошел докладывать командиру, что этот день для меня свят, по субботам я не работал и не буду этого делать впредь. Практически сразу меня начали вызывать к командирам разного уровня. И по сей день я помню фамилии тех, с кем довелось беседовать, отстаивая свою веру, — командир роты Канишевский, начальник штаба Чернов. Поняв, что они в религии не разбираются, меня отправили к заместителю командира по политической части подполковнику Петрову и к командиру части Селезнёву. Меня расспрашивали, откуда я призывался, почему в субботу не работаю, кто родители, верующие ли они тоже... Правда, они уже знали, что мой отец сидел в тюрьме, был осужден за веру на десять лет. спрашивали,

когда я стал верующим, когда был крещен, являюсь ли членом церкви. Не знаю, что они планировали со мной делать, но, как я понял тогда, мое членство в церкви меня спасло. А вот моего двоюродного брата, Николая Павлиоглу, посадили на три года. Он был осужден во время службы в армии и отправлен отбывать срок в Магаданскую область. Там он познакомился с пастором Николаем Игнатовым и Валентиной Трикур, которые поддерживали его все это время. Бог смягчил сердца тех, кто надзирал за ним, и в конце срока Николай мог даже посещать богослужения в церкви.

Во время моей службы было разное, но особо надо мной не издевались. Как-то случилось, что командир роты решил вдруг перевоспитать меня и, найдя повод, дал мне пять суток гауптвахты. Строгость наказания была продиктована еще и тем, что я был верующий. Первую ночь пришлось ночевать в карцере, где было сыро, темно и холодно, и спать на деревянном щите. На следующий день меня узнал начальник гауптвахты Терзи, мы с ним вместе призывались и были земляками. Оставшиеся дни я провел у него в кабинете, а там было тепло и стоял диван. В один из дней этого заключения я решил позвонить в роту и узнать, есть ли для меня письма, а их мне приходило очень много. Пока дневальный разбирался, чего я от него хотел, наш разговор услышал командир роты Канишевский. Когда меня освободили с гауптвахты и я вернулся в расположение роты, командир вызвал меня и строго спросил: «Это вы звонили в роту с губы? Сделать это не дерзнул при мне никто». Но с этого момента больше меня не наказывал. Меня приглашали служить в комендантском взводе, там было много моих земляков, но я отказался. Зная мои убеждения, мне обещали устроить все лучшим образом. Там и ежемесячное пособие солдат было намного выше, и они постоянно патрулировали в городе, где можно было видеть гражданское население. Но я остался служить на прежнем месте, преодолевая с Божьей помощью встречающиеся трудности. Большой бедой и испытанием стало для меня питание. В столовой часто готовили блюда со свининой. Однажды меня солдаты обманули, сказав, что сегодня мясо — говядина, и я попробовал. Сразу после этого у меня началась такая сильная аллергическая реакция, что по всему телу появились волдыри, и только на следующий день все прошло. Хорошо, что у нас в гарнизоне была офицерская столовая, где я потом всегда питался.

Я был единственным адвентистом во всем гарнизоне. Через год в нашу часть привезли служить еще двоих адвентистов из Молдавии. Это были Анатолий Панчук из села Новая Сынжеря и Виктор Костев из Вулканешт. Я старался помочь им во всем, чем мог. Знал некоторых их командиров и просил, чтобы призывников не притесняли за веру. В итоге так и было, нарушений никаких по отношению к ним не позволяли. Ближе к концу службы меня вызывал к себе майор КГБ, который посоветовал мне поступить учиться в военную академию. После демобилизации я решил воспользоваться его советом. В учебном заведении мне понравилось — быт, интересная учеба, и я зачислился. Мне дали бумагу, что я месяц нахожусь в отпуске, и отпустили домой.

Когда я добрался к себе, отец уже волновался, почему так поздно приехал. Было 28 декабря, Новый год скоро, и надо было становиться на воинский учет. Я объяснил, что поступил в военную академию. Конечно, он поинтересовался, в какую, потом все понял и рассказал бабушке, которая решительно воспротивилась этому. Она высказала отцу свою настоятельную просьбу: «Не пускай его туда». Моя бабушка прекрасно понимала, что поступление туда может значить для христианина. Отец мне сказал: «Можешь поступать куда хочешь, но в эту я тебе не разрешаю». Пришлось отправить письмо, что по семейным обстоятельствам не могу учиться, прошу прислать мои документы. Их мне прислали через две недели. Я благополучно встал на воинский учет в Болграде, и жизнь пошла свободная и счастливая. Благодарю Бога, что помог мне пройти этот путь.

Федор Дмитриевич Налчаджи, Москва, Россия

2

ОТ УГРОЗ — К СВОБОДЕ

Я вырос в адвентистской семье и в большой по тому времени общине села Дезгинжа, что на юге Молдавии. В семье мы, шестеро детей, получали первые наставления веры. В подростковом возрасте и в юности у меня были хорошие духовные наставники. Это проповедники Степан Семенович Байрактар и Петр Васильевич Осадчук. Их проповеди, советы, наставления готовили меня к предстоящим армейским трудностям.

Я принял крещение в августе 1972 года, когда мне было семнадцать лет. Вскоре настало время идти в армию. Призвали меня в 1974 году. Я отправлялся в армию с твердым намерением оставаться верным Богу в любых обстоятельствах. Лишь просил Господа, чтобы вера моя и в трудные дни службы не ослабла. Привезли нас в учебную часть в Москву во вторник. Оставшиеся дни недели прошли очень быстро. Наступала суббота. Я доложил командиру роты, что в субботу не буду ничего делать, так как являюсь адвентистом седьмого дня. Посыпались вопросы: «А это что такое? Ты вообще понимаешь, где находишься? В армии принцип такой: не знаешь — научим, не хочешь — заставим!» Но в субботу меня не тронули. Так проходили дни, и практически в каждый из них я свидетельствовал о Христе многочисленным собеседникам. Пришло время присяги, нас серьезно готовили к этому событию. Я сказал командиру роты, что присягу принимать не буду. Поднялся большой шум, мне и угрожали, и обещали послабления, говорили: «Ну что тебе стоит прочитать и подписаться». Уговаривали и командир роты, и замполит, объясняя, что у них дела будут плохи, так как они не смогли меня переубедить. Тогда я сказал, что могу принять присягу на основании верности Божьим заповедям. И началось все сначала... Пришлось рассказывать начальникам о

Десяти заповедях, о том, что они значат. Замполит все время говорил, что на меня повлияли библейские мифы, которых я начитался. Когда я призывался, то взял с собой Новый Завет и маленький блокнотик, в который переписал из книги «Миф или действительность» важные доказательства существования Бога и толкование трудных мест Священного Писания. Правда, вскоре эти драгоценные материалы у меня забрали и уже не вернули. Тем не менее командирам не удалось меня переубедить. Через два месяца меня перевели в другую часть, в Черниговскую область. Здесь началось все сначала.

Стоит сказать, что я призывался в один день еще с двумя односельчанами-адвентистами Василием Окишором и Николаем Нягу. Некоторое время в учебке мы служили вместе, затем нас троих отправили в Чернигов. Здесь приехавших солдат спросили, кто умеет играть на духовых инструментах. До армии мы с Василием играли в церковном духовом оркестре, и мы сказали, что музыканты. Нас оставили в Чернигове, а остальных отправили дальше. Я не хотел расставаться с уже знакомыми ребятами, с кем сдружился за два месяца службы, и начал отказываться, говоря, что не так уж хорошо играю на трубе. Но мои аргументы не подействовали, мне сказали, что научат. Так мы с Василием стали играть в оркестре этой части. Проводили вместе субботы, молились, вспоминали и пели псалмы, слова которых помнили наизусть. Через какое-то время мы расстались, Василий был комиссован и уехал домой. Увиделись мы уже только после армии, когда ответили на призыв церкви, начав миссионерское служение, переехав на север Молдавии, в город, где не было адвентистов.

Николай Нягу служил недалеко от нашей части, в другом воинском подразделении. Мне удалось несколько раз встретиться с ним во время службы. Эти встречи, осознание того, что рядом есть твои братья по вере, которые тоже остаются верными Господу в таких же обстоятельствах, вдохновляли и придавали новые силы отстаивать свои убеждения.

А сил порой требовалось немало. Здесь, в Чернигове, со мной произошел такой случай. Когда я отслужил уже полгода, ко мне в пятницу приехали родители. Я доложил об их приезде командиру роты и попросил увольнительную. Он ничего не ответил, сказав, что надо прийти завтра. Как оказалось, у командования были другие планы. В субботу утром родители ждали меня у КПП. Но мне сказали, что я сегодня иду на работу. Я объяснил им в очередной раз, что в субботу

не работаю, поскольку это для меня святой день. Ответ был категоричным: «Сегодня будешь делать то, что прикажут». За всеми этими событиями следили мои родители. Мне приказали сесть в машину. Я не сдвинулся с места. Тогда командир начал угрожать: «За невыполнение приказа ты окажешься в дисциплинарном батальоне (армейская тюрьма)». Я продолжал стоять на месте. Тогда начальник штаба приказал другим солдатам, чтобы меня силой посадили в машину. Ребята извинились передо мной, сказав: «Иван, прости нас, но если мы не подчинимся, нас накажут», после чего затолкали в машину. Мама все это видела и расплакалась. Я заметил ее слезы и просил командиров не делать этого, говоря, что напишу об этом министру обороны СССР. Но мне они ответили: «Пиши кому хочешь, все равно жалобу пришлют обратно к нам, и мы будем разбираться». Меня отвезли на строящийся объект и подняли на верхний этаж. Когда меня увозили, я успел крикнуть родителям, где находится объект. Родители приехали туда. Всю субботу я стоял наверху, мне не давали возможности спуститься вниз, а родители все это наблюдали. Мама все время плакала. Я сумел им только рукой помахать. Встретиться в тот раз с ними мне не удалось вообще. Родители уехали, будучи потрясенными увиденным.

Вернувшись домой, папа написал о всем случившемся министру обороны СССР. Прошло где-то полтора-два месяца. Вдруг в один из дней меня срочно вызвали в штаб части. В самом подразделении командиры суетились, бегали, что-то спешно пытались сделать.

Оказалось, что приехала комиссия из Москвы. Я пришел в штаб и доложил, что «рядовой Узун по вашему приказанию прибыл». Московские проверяющие были в звании не ниже полковника. Меня спросили, что произошло в тот день на стройке, и я рассказал все как было. Отметил, что мне себя не жалко, я все перенесу, но жалко родителей, они все это видели и даже не встретились со мной. После работы этой комиссии для начальства последствия были нерадостные. Кто-то лишился должностей, кто-то получил другие взыскания, а меня перевели служить в другую часть, в Азербайджан. В новой части уже знали обо мне и отнеслись осторожно. Но здесь не давал покоя офицер, начальник Особого отдела. Каждую неделю он приходил в часть, всякий раз в другой форме родов войск, и вел себя очень хитро. Встречал он меня всегда у входа в штаб с широкой улыбкой, чтобы все видели этот спектакль. Кто служил, тот знает, что с osobистами

всегда стараются быть осторожными. А офицер делал это у всех на виду, чтобы показать, кто в части может быть его информатором, доносчиком. Он хотел, чтобы и офицеры, и солдаты относились ко мне с ненавистью и презрением. Отчасти он добился своего. Ко мне вначале отнеслись с настороженностью и неприязнью. Как-то особист сказал: «Знай, Узун, я тебя посажу в тюрьму за веру твою, но причину найду другую».

В один из дней меня вызвали в штаб к командиру части. Я мог только догадываться о причинах. Зашел в кабинет командира части, а там весь командный состав. Я доложил по уставу о прибытии. Командир части говорит:

— Рядовой Узун, знаешь, почему мы тебя вызвали?

— Никак нет, — ответил я.

— Вот что, — продолжил командир части. — Мы решили тебя назначить заведующим складом горюче-смазочных материалов.

В нашей части было около двухсот автомобилей.

— Но вы же знаете, что я по субботам не работаю, — возразил я, очень удивившись такому предложению.

— Ты и работать-то не будешь, будут работать другие, а ты будешь в качестве заведующего подписывать бумаги, следить за приходом и расходом.

— Я не могу нарушать субботу.

— Ты отказываешься? — с удивлением спросил меня командир части.

— Да, — твердо сказал я.

— Ты подумай только, у нас комсомольцы просятся на эту должность, прапорщики, это же должность прапорщика! А он отказывается, — продолжил командир.

И тут в разговор вмешался заместитель командира по технической части.

— Знаешь, Узун, ты можешь хоть всю неделю не работать, нам главное, чтобы было топливо в части и машины не простаивали.

Тогда я ответил, что согласен. Командир части, обращаясь к начальнику штаба, сказал торопливо: «Оформляйте приказ, пока он не передумал». Позже они мне сказали, почему решили меня назначить на эту должность. Дело было в том, что всегда при ревизии выявлялась недостача объемов ГСМ. Все продавалось на сторону прежними заведующими. Зная, что я верующий, они рассчитывали на мою

честность. Так я стал завскладом и более свободным солдатом. В то же время искушений и ответственности стало куда больше. У меня был свой сейф, очень много талонов на бензин и дизтопливо и своя печать. Часто целый день я был вне части, возглавлял колонну четырех бензовозов на нефтебазу. Мы могли останавливаться по дороге, где хотели, заходить, куда хотели, приходиться в часть, когда нам хотелось. Если была бы вдруг проверка и я не находился в части, то ответ был, что я в рейсе. Я мог приходиться и после отбоя в связи с такой работой.

После тяжелых испытаний и переживаний во время отставания своих убеждений Бог подарил мне свободу. И когда я демобилизовывался из армии, командир части попросил меня: «Найди нам такого же, как ты, вместо себя». Но во время моей службы в моей части адвентистов, к сожалению, не было. И командиру пришлось искать другого человека.

Я благодарен Господу за Его руководство в моей жизни.

Иван Константинович Узун, г. Раздельная, Украина

В ЦЕРКОВЬ ВМЕСТЕ СО СТАРШИМ ЛЕЙТЕНАНТОМ

Приближалась осень 1974 года, и вскоре мне предстояло отправиться служить в армию. Время тянулось долго, тая в себе неизвестность. В среде молодежи у нас в церкви также велись разговоры, как сделать лучше — принять крещение до армии или после. У меня было однозначное решение — креститься перед тем, как уйти в армию.

В первых числах ноября я получил повестку с приказанием прибыть 10 ноября в районный военный комиссариат. Был хороший, теплый осенний день, когда нам, призывникам, приказали занять места в поезде. Мы знали только то, что направляемся из Кишинева в Ленинград. Все было хорошо, пока мои родители, родственники, друзья, молодежь окружали меня. Но, оказавшись среди десятков таких же ребят, я вдруг почувствовал одиночество и горечь разлуки с близкими.

Заняв свое место на второй полке, я помолился и доверил себя в руки Бога, не ведая о том, что принесет мне будущее.

Двое суток мы были в пути. За время пути, по крайней мере так было в нашем вагоне, офицеры в разных званиях беседовали с каждым из призывников. Со мной говорил полковник. По всему я понял, что он был евреем. Полковник расспрашивал о многом, но избегал темы веры и религии. По приезду в сборный пункт в Ленинграде нас быстро увели, поскольку те, кто беседовал с нами в вагоне, уже отбрали тех, кого определили в свою часть.

Так мы оказались в части, которая размещалась в Гатчине. Это было подразделение с особыми правилами. На каждых троих солдат в части приходилось по одному офицеру или прапорщику.

Когда нас привезли в расположение части, была ночь с четверга на пятницу. К моему удивлению, мой первый день в армии выдался хорошим и спокойным. В пятницу нам выдали обмундирование, и к вечерней проверке в субботу вечером все должны были быть в строю одетыми по форме. Большую часть приготовления я сделал в пятницу, в субботу нас никто не беспокоил. Все занимались своей формой, а я писал письма. Учитывая, что дни в это время года короткие, первый субботний день прошел для меня легко и быстро. С некоторыми ребятами я успел познакомиться, как земляки мы быстро нашли друг друга. Кто-то был рад этому, кто-то не очень. Мои соседи в казарме говорили со мной на родном языке. Один из них узнал меня как адвентиста. В первую субботу он не успел сказать об этом начальству, но вторую возможность доложить о моем вероисповедании он не упустил. Так началась моя служба. В последующие субботы со мной беседовали офицеры, спрашивали о вере, выслушивали объяснения, при этом не забывая отмечать, что эта часть — место не для меня. Это учебный центр, один из ведущих центров для подготовки офицеров Советской армии. Мне грозили, обещали, что обязательно переведут в другую часть. Только провидение Божье было за то, чтобы я оставался здесь, хотя мне самому это не очень-то было приемлемо. Все солдаты, служившие со мной, были с высшим образованием, но когда я беседовал с ними и рассказывал об исполнившихся пророчествах, говорил о Лиссабонском землетрясении, затмении Солнца и Луны на значимой части земли, о падении звезд в 1833 году, они удивленно смотрели на меня, а потом начинали задавать вопросы, спорить со мной. Время шло, и все стало на свои места. Меня не перевели, а вместо этого приняли как своего. Первые месяцы службы были непростыми. Если я строил хорошие отношения с офицерами, то обижались солдаты. Если дружил с солдатами — офицерам не нравилось. Здесь нужно было найти золотую середину в отношениях со всеми.

Как-то вечером к нам в казарму пришел капитан и сказал, что кто умеет управлять мотоциклом и у него есть водительское удостоверение, тот должен записаться у него. Записались несколько солдат, и я в том числе. Он с каждым поговорил лично, приглашая к себе в кабинет. Как потом выяснилось, это был капитан КГБ, который искал себе водителя мотоцикла. Капитан беседовал со мной минут сорок, расспрашивая обо всем. После окончания собеседования со всеми отобранными солдатами он вновь пригласил меня и сказал, чтобы я

написал родителям, попросив прислать водительское удостоверение на его адрес. Я понял, что прошел собеседование, и поделился этой радостью со своим земляком. Это уже потом я понял — новость не обрадовала моего земляка. Он пошел к капитану и рассказал ему все обо мне, кто я и какая у меня вера. Через некоторое время офицер вновь пригласил меня к себе. Оказалось — мое водительское удостоверение уже лежит у него в сейфе. Он рассказал, что получил письмо от моих родителей с моими документами, и о визите к нему моего земляка. Он долго беседовал со мной и в завершение сказал: «Если кто-то тебя обидит или тебе что-то вдруг нужно будет, заходи в любое время, но работать мы вместе не сможем, так как выезды планируются в основном в субботу». Время от времени я к нему заходил, в особенности по субботам, чтобы меня не искали другие.

Прошло около года моей службы, и как-то я услышал, что представители нашей части планируют ехать за новым пополнением призывников в Кишинев. Я решил, что не могу упустить такую возможность побыть в родных краях, и вызвался добровольцем. Вопрос решился в мою пользу, и в пятницу мы с одним из офицеров приехали ко мне домой, в село Чок-Майдан (Молдавия). Офицер знал о том, что я верующий, и в субботу утром мы с ним вместе пошли на богослужение в нашу церковь. Старший лейтенант сидел и все внимательно слушал. Для него это было впервые. Он познакомился с моими родителями, моим младшим братом, который тоже призывался в тот год. В понедельник мы были уже на сборном пункте в Кишиневе вместе с моим братом. Так получилось, что войсковая часть, опасаясь в свое время одного адвентиста, теперь приняла еще и другого, моего брата. Мы теперь служили вместе.

Для определения в отделение ему нужно было пройти карантин. Но время карантина истекло, а брат в отделение не прибыл. Я пошел узнать, в чем дело, но мне ничего не хотели говорить. На второй день я нашел его в другом отделении на первом этаже. Я возмутился, ведь решение было другим, но один из моих друзей офицеров тихо сказал: «На совещании был поднят очень серьезный вопрос: да, они два брата, но если они устроят там молебен вместе, то будут отвлекать других солдат и вовлекать в свою религию». Тогда я обратился к знакомому мне капитану КГБ. Он успокоил меня, сказав, что поговорит с командиром части. И слово сдержал. Через три дня мой младший брат был

переведен к нам в отделение. Бог чудно вел нас и помогал даже через таких людей.

Пришло время моей демобилизации. Командир нашей части генерал-майор лично разговаривал со мной и попросил продолжить службу сверхсрочную службу. Но это было не для меня.

Слава Богу, что Господь сохранил меня на этом пути!

Николай Афанасьевич Колтук, г. Комрат, Молдова

ИДТИ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, НО С БОГОМ!

Апостол Павел писал: «Итак, укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2 Тим. 2:1, 2). Во 2 Пар. 16:9 говорится: «Ибо очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему».

Эти тексты были основой нашего воспитания в детстве и в юности. Помню себя четырехлетним ребенком. Старший брат и сестра уже ходили в школу, я тоже очень хотел. Поэтому все, связанное со школой, так хорошо сохранилось в памяти.

Не посещать уроки в субботу в годы господствующего атеизма по религиозным убеждениям, как это делали старшие дети в нашей семье, было прямым вызовом государственной идеологии и обществу. Не могу с уверенностью судить, действительно ли нас, верующих, ненавидели учителя, руководство школы и района, но жизнь моих родителей они сделали невыносимой и даже безвыходной в тот день, когда пригрозили лишить их родительских прав за неправильное, противоречащее государственным законам воспитание детей.

Что оставалось делать? Верующие в это время много плакали и молились, полагаясь на обетования о Божьей защите. Они верили в Бога и были убеждены в правоте своих поступков, поэтому стояли за истину до конца.

Пастора нашей общины посадили в тюрьму на шесть лет. Моих родителей, рядовых членов церкви, тоже начали вызывать на допросы. Был организован большой напряженный процесс, который завершился страшным для нас, детей, решением, а также для нашей

матери, ожидавшей появления на свет четвертого ребенка. Нашего папу приговорили к одному году тюремного заключения. Для реализации угрозы о лишении моих родителей родительских прав требовалось немного времени. Но мама не стала малодушно ждать. Собрав нас и прихватив только кое-что из одежды, она бежала в горное селение Таласской области Казахстана. Там в доме, принадлежащем семье брата моего отца, мы нашли убежище. Там же родился мой младший брат.

А через некоторое время в это село приехали руководители церкви Южного Казахстана и забрали нас всех в городок под названием Мерке.

Благодаря моей маме и ее решительным действиям мы, дети, не узнали, что такое советский детский дом с его атеистическим воспитанием в духе ненависти к религии.

Через год мой отец вернулся из тюрьмы, и его пригласили на пасторское служение. Помню, мы долго ехали по казахстанской степи в село Байкадам, что в 150 км от большого города Тараз.

Счастливые пять лет сменились другими пятью в городе Чу. Пролетели и четыре года жизни в городе Кустанае. Это города, где отец служил пастором в церкви. Шел 1974 год. Я окончил школу и в этом же году принял крещение. Поздно вечером в морозном октябре, тайно, вместе с моим другом Петром Шнайдером мы вошли в воды реки Тобол... Холод северной реки не смог остудить нашей радости — мы заключали завет с Богом! И даже тревога, связанная с тем, что нас, молодых ребят, в очень скором будущем ждет служба в армии, в эти минуты куда-то исчезла.

Служба в Советской армии... О, мы были наслышаны о ней. И о том, что оставаться в ее рядах верным своим убеждениям невероятно трудно и сложно, опасно для здоровья и даже для жизни. И опять, как тогда, в детстве, церковь и мои родители неустанно молились за тех парней, кому предстояло новое испытание. За тех, кто уже отстаивал библейские ценности, соблюдал субботу по заповеди, независимо от того, что им приходилось переносить.

Принять крещение и стать членом церкви до прохождения службы в армии было очень серьезным решением. Не брать в руки оружия! Не убивать! Двухлетнее пребывание в ее рядах могло перерасти в трехлетнее и даже более пребывание в тюрьме. Никто из крещеных призывников-адвентистов не мог даже предположить, что конкретно

его там ждет. Все, что им было действительно доступно, — всецело довериться Богу и положиться на Его обетования.

1975 год. Осень. Повестка. Стрижка «под ноль». Весь призыв направляется во Владивосток в морскую пехоту.

Вы когда-нибудь пытались пройти бурную реку, двигаясь против течения? Но река — это просто стихия. Идти против враждебно настроенного людского потока совсем другое дело. И все же «дорогу осилит идущий, если Бог ведущий».

Порог военкомата. Последний глубокий вздох, последняя молитва. А дальше заявление: «Я — Отт Рубин, являюсь членом Церкви адвентистов седьмого дня, церкви, официально зарегистрированной в городе Кустанай. Готов к службе, но оружие в руки брать отказываюсь».

Решение комиссии было неожиданным и не скажу, что приятным. Мой призыв в армию отсрочили на шесть месяцев, чтобы «хорошо подумал».

1976 год. Весна. Повестка. Стрижка «под ноль». Военкомат.

— Изменились ли ваши взгляды?

— Нет.

Новая отсрочка призыва на неопределенное время. Вновь несколько изматывающих ожиданием месяцев.

1977 год. Поздняя весна. Повестка. Знакомая стрижка. Призыв без беседы и уже ожидаемой отсрочки.

В тот поздний май, когда мои счастливые сверстники возвращались из рядов вооруженных сил, я лежал на полке вагона, слушал мерный стук колес и молился. Мне было уже двадцать лет.

Взрослый парень, выросший на молоке неустанной молитвы матери, я мчался в неизвестность. В прошлом оставалась привычная жизнь, любимая и тоже постоянно молящаяся церковь, друзья... Со мной был только мой Бог, у Которого были Свои, неизвестные пока нам всем планы.

А поезд мчался по знакомым бескрайним казахстанским степям все дальше в удушающее пекло — жаркую и безводную пустыню к большому пункту перераспределения призывников в г. Кызыл-Орда.

Три новых дня, жарких и тревожных. Почти бессонные ночи, изматывающие своей неопределенностью. Тысячи молитв. Наконец прозвучала моя фамилия. И снова поезд, снова неизвестность.

Много лет спустя один наш очень хороший друг, Игорь Васильченко, расскажет нам свою историю службы в армии. Расскажет о

том, как он пытался, но, по-видимому, безуспешно, описать своим друзьям-сослуживцам прелести родного азиатского края. Его рассветы и закаты на весь земной горизонт, горы, степи в буйном цвету и пахнущие до головокружения, оазисы... В то время он был далек от Бога, и художественно приукрасить свое повествование ему не казалось чем-то зазорным. Поэтому свой рассказ он неизменно и серьезно заканчивал откровенной шуткой: а в школу я ездил на верблюде! И приглашал друзей приехать в гости.

Один из сослуживцев все-таки решился посетить эту невиданную страну. И когда его взору открылись окрестности Алма-Аты, он, по его словам, задохнулся от увиденного. Кто видел, тот знает. Кто не видел — многое потерял. «Теперь я знаю, почему ты здесь живешь, — сообщил друг Игорю, — я бы тоже отсюда не уехал».

Ночь. Остановка поезда. Глубокий вздох облегчения. Алма-Ата. Удивительно красивый город-сад на фоне снежных пиков Тянь-Шаня. Рай в степи. Город яблок. Здесь есть церковь, большая церковь, много молодежи. И ничего, что пока мы еще не в городе, а за 160 км от него в строительном батальоне на карантине. Здесь начнется подготовка молодых солдат к службе. И вот оно — первое непростое испытание. Как заявить о себе? Что сказать? Кому?

Этим кем-то стал командир батальона. Он лично знакомился с каждым солдатом.

— Я — рядовой Отт Рубин, по вашему приказанию явился! Должен сообщить вам, что исповедую религию Библии и на основании ее заповедей не работаю в субботний день. Также в субботу не буду участвовать ни в каких других делах и политзанятиях. Прошу предупредить об этом других ваших командиров и подчиненных.

— Ничего, молодой солдат! Ты призван в Советскую армию! Здесь все будут делать то, чего от них ожидает Родина!

Ничего никому передано не было. Наступила субботняя ночь. Молитва и сон, который странно прервался около четырех утра. Все спали, кроме дежурного — младшего сержанта и моего непосредственного командира отделения. Я тихо поднялся с кровати, подошел к нему, шепотом по уставу доложил о себе и вновь повторил свое отношение к субботе на основании Библии. Спросил, сообщило ли ему об этом его начальство. С большими округлившимися от удивления глазами сержант слушал все, что я ему говорил.

— Кроме всего, хочу предупредить вас, что утром в строй я не встану.

Утро, 9.00. Переключка. Одного солдата в строю нет. Прапорщик — командир взвода срывается на испуганный крик:

— Где он? Что с ним?

Командир отделения, мой ночной сержант, ответил:

— А вон он, сидит под деревом. Он верующий и в субботу не работает. От участия в мероприятиях отказался.

— Как под деревом? Как сидит? Привести сюда!

Идти против течения. Стоять перед строем и командирами. Снова повторять важные принципы Священного Писания и чувствовать себя при этом беспомощным котенком, трясущимся от страха, — все это происходит одновременно.

Срочно пригласили моего будущего командира роты, офицера с капитанским званием. Он на меня смотрит и молчит в глубочайшем недоумении, будучи очень интеллигентным человеком.

Наконец дал команду, и меня повели к штабу батальона. Это была дорога горячей молитвы о защите и заступничестве, в конце которой все офицеры штаба окружили меня. В воздухе чувствуется напряжение, даже агрессия. Что? Кто? Молодой солдат с заявлением?! Не будет?! Не станет?! О какой субботе речь? Неповиновение! Нарушение воинского устава!

И, как Христа к Пилату, меня повели к начальнику штаба. Майор Кошей в этот день был здесь главным, а его голос решающим. Суровый. Жесткий. Высокого роста. Крупного телосложения с огромными руками. Было известно, что когда он пьяным входил в штаб, молодые офицеры выпрыгивали от страха в окна. Майор был скор на расправу.

Обо мне ему доложили. Все подробности. И о том, что я отказываюсь в субботу принимать пищу, поскольку отказываюсь от всего остального. (Я считал это вполне справедливым в моих обстоятельствах, а пост преимуществом).

К моему величайшему изумлению и удивлению всего офицерского состава, майор Кошей не «умыл рук». Он во всеуслышание заявил, что этот молодой солдат:

- будет прилежным солдатом,
- не будет бегать в самоволку,
- не будет бегать к женщинам в поселок,
- не будет употреблять алкоголь,
- не будет драться,

— политический материал будет знать лучше остальных солдат, даже если он в субботу не будет на политзанятиях.

Я не мог поверить, что слышу это! Чудо? Величайшее! Невозможное чудо!

— Молодой солдат, — обратился ко мне майор, — но есть в субботу ты обязан! Если журналисты узнают, что у нас солдат объявил голодовку, то... Петь и строем ходить в субботу не надо. Но приходи и три раза ешь со всеми.

Как Бог готовил майора Коцея к встрече со мной — это, конечно, удивительная история.

Дело в том, что водителем майора до нашего призыва был молодой человек — баптист. Он был очень хорошим христианином. Честным и достойным. И время наедине с майором использовал мудро — рассказывал ему о Христе и Библии. Много рассказывал. Да так, что в то памятное субботнее утро майор Коцей поведал мне и всем офицерам одну забавную историю:

— Этот солдат, баптист, мой водитель, однажды так быстро ехал, что чуть не попал в аварию. А я ему говорю: «Эй, парень! Будь поосторожней! Тебе-то там Господь уже приготовил место в раю, а мне пока еще нет!»

Майор Коцей исповедовал на своей службе два принципа: защищал молодых солдат и ненавидел пьяных офицеров, которые обижают молодых солдат.

Господи! Если он еще жив, благослови его!

Наступила новая суббота. Баня. Стирка. За день до этого нас, молодых солдат, заставили ползать в пыли, толстым десятисантиметровым слоем покрывавшей полигон. От пыли и пота солдатская роба на новобранцах стала просто цементной.

Утром, когда я, как обычно, сидел под деревом, ко мне подошли мои командиры и предложили снять грязное обмундирование, чтобы его постирали другие молодые солдаты.

Я наотрез отказался. Нет! Нет! Вечером после захода солнца постираю, за ночь все высохнет, к утру я буду в строю чистым, как все.

Было еще одно Божье чудо в моей службе. В тот год организовали так называемую особую экспериментальную роту, которая состояла только из молодых солдат. У нас не было дедовщины. И в этой роте я служил! Это тоже для меня было великим Божьим чудом. Как Бог слышит молитвы и отвечает на них!

Все когда-то заканчивается. Закончился и наш карантин. И вот мы наконец в Алма-Ате. Как это хорошо, если бы... если бы не новые командиры отделения, взвода... Обо мне знал только капитан — командир роты.

В пятницу вечером нас вывели на уборку территории. Прапорщик, немолодой и очень строгий, особенно старался и подгонял солдат, требуя дисциплины.

А солнце тем временем клонилось к закату. Еще немного — и наступит суббота. Я слежу за солнцем, как оно опускается все ниже и ниже к горизонту. Оцениваю объем работы. Не закончим. Отставив метлу, подошел к командиру взвода, представился, попросил разрешения обратиться.

И весь круг «знакомства» с офицерским составом повторился. За одним исключением. Вместо майора Кощея был совсем другой майор, ответственный за политподготовку батальона. Фанатично настроенный, жесткий коммунист. Атеист до мозга костей.

Вот он-то и взялся за меня очень серьезно. Начались допросы. Ситуация была не просто напряженной. Родители стали получать письма с требованием, чтобы меня уговорили отказаться от этой «религиозной мути». Затем мне стали угрожать семью годами тюрьмы. Моральное и психологическое давление было неимоверным.

Мы все: моя семья, родители, я сам, моя церковь, церковь города Алма-Ата, пастор церкви Артур Федорович Штеле продолжали молиться и умолять о Божьей защите. И вдруг в какой-то момент давление на меня прекратилось. Многим позже я узнал, что в этом опять была заслуга майора Кощея, который вступился за меня.

Наступила осень. Стало быстро холодать. Мы работали на строительном объекте в центре города. У нас был свой летний душ. Я мылся ежедневно. И все было хорошо. Но теперь ребята стали между собой шептаться: а что он будет делать зимой? Спрашивали прямо. А я и офицерам, и солдатам говорил: вы за меня не беспокойтесь. У нас в казарме есть вода в мойке, я буду там принимать холодный душ. Мыться холодной водой даже зимой полезно.

И никто мне не говорил, что недалеко от нашей роты находится бетонный завод, а там очень много душевых... Потом, когда наступили холода, мне подсказали: ты можешь мыться в этих душевых. И я там принимал душ три, четыре раза в неделю, когда все другие мылись только один раз в неделю — в субботу.

После нескольких месяцев службы мне стали давать увольнительные, и я получил возможность по субботам посещать церковь в Алма-Ате. Дорогая моя церковь! Как она обо мне молилась! Ко мне приезжали, постоянно поддерживали. Особенно Михаил Гапуров и его сын Александр. У них я тоже был частым гостем. И это было так важно мне, молодому человеку.

Проповедник Артур Федорович Штеле подарил мне такое крохотное Евангелие, которое я мог читать и прятать так, чтобы его не нашли офицеры. Это Евангелие я пронес через всю мою службу в армии.

А Господь подарил мне еще и девушку, которая приехала однажды в субботу в церковь Алма-Аты на улице Омской, и мы вместе слушали удивительную проповедь президента Генеральной Конференции Роберта Пирсона — простую запись на магнитофонной ленте.

Я много молился об этой девушке — Марине Гартвих. Господь подарил нам одну встречу, а потом еще много встреч и любовь на всю жизнь. Через год мы поженились и уже в этом году отметили 40 лет совместной жизни и 39 лет совместного служения Господу.

У нас трое детей и шесть внуков. Мы счастливы в Господе, и все наши дети счастливы в своем служении Ему. Верность Ему всегда вознаграждалась. И если не в этой жизни, в вечности это произойдет непременно.

Рубин Рудольфович Отт, г. Бишкек, Киргизия

СЛУЖБА В ЦАРСКОЙ АРМИИ

Служили адвентисты и в царской армии, сохраняя верность Божьему Слову. Мы имеем очень мало информации о многих из них. В церковных архивах сохранилась фотография брата Брова С. А., который служил в г. Тифлис (Тбилиси) в 1915–1916 гг.

На фото первый слева брат Брова стоит с товарищами по полку, баптистами. В руке у него Библия, как и положено любящему Божье Слово.

6

ВЕРНЫЙ УБЕЖДЕНИЯМ ДАЖЕ В ДИСБАТЕ

К нам в Уссурийск приехал брат моей жены Гриша. Это был молодой человек допризывного возраста. Он был кроткого характера, любил Бога всем сердцем и душой. Воспитанный в христианской семье и находясь вдалеке от общины и субботних богослужений, Гриша придерживался всех библейских принципов, которые приняты в нашей церкви. Здесь, в Уссурийске, у него была возможность общения с христианской молодежью соседних городов, и Григорий получил хорошую библейскую закалку, что было немалым стимулом в его дальнейшей христианской жизни. Юноша готовился к призыву в армию и жил в ожидании повестки из военкомата, где готовился не только называться, но и быть подлинным христианином. Гриша принял окончательное решение не нарушать заповеди, начертанные самим Богом, хотя еще не был членом церкви.

Военкомат направил его на учебу, он прошел и успешно окончил курсы водолазов, готовясь служить в Военно-морском флоте СССР. Получив повестку, Гриша явился в военкомат в назначенное время, прошел медкомиссию, которая определила его пригодность к военной службе. Ввиду его заявления, что он будет соблюдать и в армии Десять заповедей Божьих, включая четвертую, он был направлен для прохождения воинской службы в строительный батальон, несмотря на свою подготовку к службе на море. Время было суровое, и не все молодые люди, уйдя в армию, смогли отстоять свои убеждения, соблюдая Божьи заповеди.

Гриша был направлен в воинскую часть, которая находилась в глухой тайге, вдали от населенных пунктов, в поселке Тимофеевка Приморского края. Мы в это время готовились к переезду в другой город и

решили вместе с женой навестить Гришу. Когда мы приехали в часть, нас пригласили в штаб батальона и объяснили обстановку, которая сложилась вокруг молодого солдата. Нас попросили убедить юношу, чтобы он забыл на время службы о своих религиозных убеждениях, но были разочарованы, когда им стало известно, что я являюсь пастором церкви, к которой принадлежит Гриша, и у меня такие же убеждения, как и у него. Командир роты, где служил молодой человек, был особенно агрессивен настроен против него и пообещал, что дает слово офицера: если Гриша не изменит своего решения, то перевоспитает его, а если не получится достичь цели таким методом, то отдаст его под трибунал, отправит в тюрьму, но добьется своего. Как только новобранец принял присягу, его арестовали и отправили в тюрьму Владивостока для ожидания военного трибунала. Гриша сумел отправить нам письмо, в котором описал многое, что с ним происходило, и мы получили его уже в Омске, куда переехали из Уссурийска.

Он написал, что ему грозит тюремное заключение и что согласно статье ему придется отбыть срок до пяти лет. Но суд вынес другое решение. Его отправили в дисциплинарный батальон на остров Русский, недалеко от Владивостока. Там были объяснены условия, что если он не откажется от своих убеждений и не исправится за год нахождения в дисциплинарном батальоне, то ему придется отбыть весь срок по приговору суда, а потом вернуться в часть, где проходил службу, и еще два года дослуживать срок. Если же все изменится, то срок отбывания в дисбате ему зачислят в срок службы и он вернется со своим призывом домой. С острова Русский мы регулярно получали от него письма. Условия там были очень суровые — муштра, строгий порядок, взыскания за малейшую провинность. В основном там были собраны наиболее закоренелые нарушители воинского устава, те, кто находился не в ладах с законом. Гриша сильно переживал, находясь в этой ужасной обстановке. Дома он воспитывался, окруженный любовью и вниманием, где был самым младшим, восьмым ребенком в семье. А здесь царили отчужденность, вражда, непонимание, бесчеловечные отношения друг к другу. Непомерная строгость со стороны начальства делала его жизнь еще более тяжелой и беспросветной. Но Бог, Которому он служил, давал силу, и юноша мужественно переносил все тяготы и лишения в этой обстановке. Церковь вместе с нами совершала ходатайственные молитвы за него, и мы верой уповали на руку Божию. Я написал ему письмо и напомнил, что если он

будет верен Господу до конца и устоит в вере, пройдя все испытания, то Творец невозможное сделает возможным, и он не будет четыре года носить армейскую шинель, а вернется вместе со своим призывом домой. «А мы будем неотступно просить Господа, чтобы Он вступился за тебя, дал силу все перенести и не упасть. Бог и сегодня, как в дни древние, вершит судьбы человеческие, и Господь не останется безучастным к твоим переживаниям и борьбе», — написал я в письме.

Через несколько месяцев тюремной «службы» Гришу вызвали в штаб, к командиру части. Он поинтересовался его убеждениями и тем, как он попал в его подразделение. Командир внимательно выслушал его до конца, расположился к нему, проявил сочувствие и в доверительной беседе, что было своего рода чудом (не часто командиры таких частей проявляют человеческое отношение к подчиненным), сказал: «Мне докладывают о твоём поведении и добросовестном отношении к своим обязанностям, что побудило меня лично побеседовать с тобой. Таких, как ты, здесь за мою бытность пока не было. Я впервые встречаю солдата верующего, с такими убеждениями. Тебя исправлять-то здесь не надо. Знаю, что ты отказываешься работать в субботу, но отработываешь в воскресенье, когда все отдыхают. Выходит, что ты не симулянт, а человек убежденный. Тебя здесь скорее всего может, наоборот, перевоспитать та среда, в которой ты находишься, но так как ты тверд в своих убеждениях, надеюсь, что этого с тобой не случится».

В заключение беседы командир сказал: «Я буду ходатайствовать о твоём досрочном освобождении и пересмотре приговора военного трибунала. Если бы все, кто здесь находится, вели себя так же, как ты, и выполняли свои обязанности так, как ты, за исключением дня отдыха, то на этом заброшенном острове было бы что-то вроде дома отдыха для командного состава». Беседа закончилась, а Гриша в тот день после отбоя долго не мог уснуть. Он понял, что это рука Божья, которую «двигает» молитва церкви. Свое обещание начальник сдержал, дело было пересмотрено, и через год Гриша был освобожден, возвратился в свою часть, чтобы дослужить положенное. Он рассказал нам о том, какую встречу ему устроили в части, по возвращении из дисбата. Солдаты, увидев Гришу, бурно выражали свои чувства по отношению к нему. Для одних он был фанатик, для других — герой, поскольку не всякий на его месте мог бы так твердо отстаивать свои убеждения. Одни хлопали Гришу по плечу и поздравляли с возвращением. Другие

кричали: «Смотрите, святой снова появился в нашей части». Но в их голосах не чувствовалось вражды, а скорее дух доброжелательности. А вот у командира роты, который так старался избавиться от непокорного сектанта, реакция была совершенно другой. Он остолбенел от неожиданности, когда Гриша предстал перед ним. Сначала ему показалось, что Гриша мог только сбежать. Командиру представлялось невозможным, что верующий фанатик мог быть освобожден решением трибунала. Он был убежден, что таким, как Гриша, не должно быть пощады, но командир не знал одной простой истины, что Бог может повелеть даже военному трибуналу пересмотреть приговор. Документ об условно-досрочном освобождении был налицо, а факты — вещь упрямая и убедительная. Гриша дослужил положенный срок и вернулся к нам, в нашу общину, где его встретили с великим торжеством, как победителя, с честью выдержавшего тяжелые испытания, выпавшие на его долю. Группа верующих готовилась к крещению, и Гриша с великой радостью присоединился к ней. Вскоре вместе со всеми он вступил в завет с Господом.

Изучая Слово Божье, мы находим три вида крещения: водное, духовное и огненное. Обычно все, приходящие в церковь, проходят этот процесс в таком порядке: сначала водное, а только потом духовное и огненное. У Гриши получилось немного необычно. Гриша, подобно птенцу, только что научившемуся летать, оставил родное гнездо и, еще не приняв крещения, прошел крещение огненное, которое он с честью выдержал благодаря тесной связи с Богом, Которого любил больше своей жизни. У всех нас была великая радость, что Господь сохранил его, и он живой и невредимый вернулся в родную и духовную семью. Мы благодарили Творца за то, что Гриша увидел Его, верного в Своих обетованиях, защищающего Своих детей, дарующего силу переносить испытания всем, включая такого молодого, как Гриша. Он перенес испытания, которые не по плечу многим, но Бог невозможное для человека делает возможным для Него. Сыны и дочери Божьи должны помнить подобные события в жизни церкви и быть уверенными в том, что если они будут твердо стоять на библейских позициях и стремиться проявить стойкость и мужество в испытаниях, проявив верность, то имеют гарантию, что не будут оставлены Господом. Ибо Он обещает: «Я оказал помощь мужественному» (Пс. 88:20).

В дальнейшем, когда наши молодые люди уходили в армию, им было легче идти по пути, проложенному верными братьями, прошедшими этот путь. И в военкоматах, и в воинских частях начальствующий состав имел представление, кто такие адвентисты седьмого дня, и многие уже не попадали под военный трибунал. Хотя их участь была незавидной во время службы в армии, но они служили положенный срок и возвращались в свои семьи, свои общины, где их ждали, вознося свои постоянные молитвы о них, и встречали, радуясь.

*Григорий Романович Николенко
(материал написан Николаем Степановичем Широковым,
Миннесота, США)*